

**О ЦЕННОСТИ СЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭПИЗОДА
СУДА НАД ДМИТРИЕМ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»)¹**

Аннотация: *Статья посвящена речам прокурора и адвоката на суде над Дмитрием Карамазовым в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Их выступления рассматриваются с точки зрения внутренних ценностных установок, которыми они руководствуются при защите и обвинении подсудимого, а также соответствия этих установок представлению Ф. М. Достоевского об идеале суда.*

Ключевые слова: *Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы», суд, ценности прокурора и адвоката.*

Вопрос об идеальном суде, недостатках современного Ф. М. Достоевскому суда и другие размышления на эту тему пронизывают весь роман. Решающую роль на суде над Дмитрием Карамазовым играют прокурор и адвокат, от которых зависит судьба подсудимого. Но какова природа их защитного и обвинительного слова и какие ценности лежат в их основе? И являются ли их речи отражением идеала Достоевского о суде?

И прокурор, и адвокат пытаются восстановить цепочку событий через психологию участников этого процесса, их мотивы, что является отражением суда той эпохи: «...»страсть к психологии», и интерес к социальным корням явлений, и недоверие к присяжным наряду с тяготением к “математически доказательным” фактам» [Карлова, с. 157].

Ипполит Кириллович формулирует свои аргументы, исходя из логики, он строит модель поведения человека, который задумал убийство. В его представлении человек, задумавший совершить преступление, не станет

¹ Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Натальи Викторовны Пращерук.

об этом рассказывать всем, а «тотъ молчить и таить про себя» [Достоевский, с. 416]. Но это лишь модель. Модель идеальна, а человеческая психика иррациональна, часто нелогична, противоречива. В его представлении человек, совершивший убийство отца, непременно должен испытывать угрызения совести. Этим Ипполит Кириллович пытается объяснить попытку самоубийства Мити: «... стучить въ умѣ неустанно и отравляеть его сердце до смерти, – это *что - то* – это совѣсть, господа присяжные...» [Там же, с. 429]. Его модель предполагает то, что хотят услышать присяжные и слушатели, какой образ преступника им хочется видеть: он должен обладать расчетливостью, самоконтролем, но быть совестливым.

Рассматривая поведение Смердякова, прокурор также строит модель, но модель «естественной случайности». И приходит к выводу, что Смердякова обвиняют только потому, что если убил не Дмитрий, то, кроме Смердякова, других вариантов попросту нет. В помощи следствию Ипполит Кириллович видит честность и простоту. Смердяков кажется наивным, честным, простодушным человеком, вокруг него выстраивается образ жертвы.

Интересна реплика прокурора о единоличной вине: «Только что арестовали подсудимаго, какъ онѣ мигомъ сваливаетъ все на одного Смердякова и его *одного* обвиняет» [Там же, с. 424]. В действительности вина за случившееся лежит не на одном Смердякове, а на всех братьях. Смердяков не убил бы Федора Павловича без теории Ивана; Дмитрий желал его смерти; Алеша был погружен в свои переживания, не смог примирить братьев. Но прокурор вовсе не подразумевает этого метафизического плана. Он говорит лишь о «сваливании» вины на другого и попытке оправдать себя, о том, что входит в его модель поведения человека, совершившего преступление.

Г. К. Щенников пишет о близости прокурора и великого инквизитора. Они оба «оценивают людей как “слабосильных бунтовщиков”, которые не признают нравственности, а признают лишь удовлетворение потребностей» [Щенников, с. 161]. В какой-то момент его целью даже не является обвинение Мити, он хочет показать свое красноречие, свое умение аргументировать и поворачивать факты в нужную сторону. Он «огрубляет, упрощает психологию каждого из братьев, так как не понимает их духовных исканий» [Там же]. Тем не менее он настолько убедителен, что даже Митя уже не видит другой кандидатуры на место преступника: «Въ этой крови не виновень,

но кто же убилъ отца, господъ, кто убилъ? Кто же могъ убить его, *если не я?*» [Достоевский, с. 433].

Защитник, как и прокурор, выстраивает логические схемы: «Слава Богу, мы дошли до точки: “коли былъ въ саду, значить онъ и убилъ”. Этими двумя словечками коли *былъ*, такъ уж непремѣнно и *значить*, все исчерпывается, все обвиненіе – “былъ, такъ и значить”. А если не *значить*, хотя бы и *былъ?*» [Там же, с. 450]. Он также выстраивает свою модель событий и модель психологии Мити. Но, как пишет Щенников, невиновность Дмитрия не может быть выведена из логики событий и анализа психологии. «...Только вера в человека – вера в “божественное чудо” человеческой совести – могла спасти Митю. Ведь именно это чудо оградило Митю от преступления...» [Щенников, с. 163]. По некоторым его словам, можно сделать выводы, что Фетюкович принимает на веру невиновность Мити («... а могу принять лишь вѣрой, или, вѣрнѣе сказать, *на вѣру*, подобно многому другому, чего не понимаю, но чему религія повелѣваетъ мнѣ однакоже вѣрить» [Достоевский, с. 460]) и даже приводит текст Евангелія: «*Въ ню же мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ*, восклицаетъ защитникъ и въ тотъ же мгъ выводить, что Христосъ заповѣдалъ мѣрить въ ту мѣру, въ которую и вамъ отмѣряють...» [Там же, с. 465]. Сразу после этой реплики следует авторское отступление о том, что «мы заглядываемъ въ Евангеліе лишь наканунѣ речей нашихъ» [Там же], то есть только ради того, чтобы красочно использовать цитату в своей речи, впечатлить присяжных и слушателей. Саму цитату он трактует ошибочно, имеется ввиду полностью противоположное: «злѣбный міръ такъ дѣлаетъ, мы же должны прощать и ланиту свою подставлять» [Там же]. В том, как адвокат трактует эту цитату, в его отношении к ней и скрывается вся суть его защитной речи, показной, красноречивой, пытающейся впечатлить и показать себя.

Как и Ипполит Кириллович, Фетюкович работает на публику и присяжных заседателей. Вовлекает их в противоборство стороны защиты и обвинения. «Цель Фетюковича не поиск истины, не нравственное воспитание и соединение участвующих в этом поиске людей (а именно в этом видел Достоевский общественную роль юриста), а лишь завоевание публики и ради этого – угождение ей во всем» [Щенников, с. 164]. Ради оправдания подсудимого, он идет на поводу у публики, пытается уловить ее настроение,

угодить ей, поразить своей речью и аргументами. Ни прокурор, ни адвокат не работают на установление истины, они пытаются побороть друг друга в красноречии и убедительности. В этом и есть огромное расхождение между тем, какой суд является идеалом для Достоевского, и тем, какой он есть на самом деле. «Интерес слушателей с самого начала обратился не к личности подсудимого, а исключительно к поединку “сторон”. <...> Психология подсудимого занимает публику лишь как аргумент в единоборстве защитника с прокурором, <...> настоящего Дмитрия никто не видит» [Там же, с. 157]. Именно все вышеперечисленное стоит за их словами обвинения и защиты. Для Достоевского это слова пустые, лживые, слова, которые произносятся из личной выгоды, чтобы проявить себя и показать свое умение защищать или обвинять.

Но на суде присутствует один человек, который, на наш взгляд, отражает тот «подход» к личности подсудимого, какой был идеалом для Достоевского – это Алеша. Именно он является «“человеком” в этом высшем, христианском смысле: цельный, с душой, рвущейся к “свету любви”, и по этому пути следующий, отзывчивый и открытый нуждам мира, никого не осуждающий “ранний человеколюбец”» [Кустовская, с. 175]. Он видит духовную природу Мити, его душевные терзания, верит в чудо, которое отвело брата от убийства, для него важнее всего – истина. Алеша понимает и жест Мити, который поначалу не разгадал: «Что означало это битье себя по груди *по тому мѣсту* и на что онъ тѣмъ хотѣлъ указать, – это была пока еще тайна...» [Достоевский, с. 74]; «... чтобъ уплатить Катеринѣ Ивановнѣ и тѣмъ снять съ своей груди “*съ того мѣста груди*” позоръ, который онъ носилъ на ней и который такъ давилъ его совѣсть» [Там же]. Только на суде Алеша понимает, что Митя не просто бил себя в грудь, а бил именно в то место, где у лежали позорные для него деньги Катерины Ивановны. Дмитрий хотел с половиной долга снять с себя хотя бы половину позора, а «целый» позор заключался в том, что Дмитрий совершенно точно знал, что не отдаст и половины. Алеша понимает противоречивую натуру своего брата, видит целостность и органичность его иррациональных поступков и для него, в отличие от юристов, не кажется странным, что брата терзала не только совесть, но и противоречия. Митя не хотел казаться вором, а деньги все же не отдал. В итоге Алеша не говорит высокопарных слов, его «вердикт»

четкий и простой как сама истина: «... потому что *не онъ* убилъ отца моего, твердо закончилъ Алеша громкимъ голосомъ и на всю залу» [Там же, с. 385]. Также четко дважды он говорит Ивану, что это не он убил. Это то самое *проникновенное слово*, которое не ориентируется на мнение присяжных и суда, не пытается угодить им или впечатлеть. Это слово, которое «должно быть твердо монологическим, нерасколотым словом, словом без оглядки, без лазейки, без внутренней полемики» [Бахтин, с. 379] и исходит из веры в человека, в чудо спасения души.

Список литературы

Карлова Т. С. Достоевский и русский суд. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1975. – 165 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 14 т. – СПб: Изд. А. Г. Достоевской: Типография брат. Пантелеевых, 1882. – Т. 14 («Братья Карамазовы»). – 492 с.

Щенников Г. К. Художественное мышление Ф. М. Достоевского. – Свердловск: Средне - Уральское кн. изд - во, 1978. – 176 с.

Кустовская М. В. Концепция «живой жизни» в творчестве Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. – 2011. – № 9. – С. 169–179.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 416 с.